

Евгений Дроздов

САГА ЗВЁЗДНОГО СВЕТА. НАСЛЕДНИКИ ЛЕГЕНДЫ

Евгений Дроздов
Сага Звёздного Света.
Наследники Легенды

Серия «Сага Звёздного Света», книга 1

<https://litres.ru/73921561>

SelfPub; 2026

Аннотация

Открой для себя «Сагу Звёздного Света: Наследники Легенды» и познай силу любви и способной преодолеть любые границы!

Читателей ждёт глубокое погружение в магический мир эльфов, полный опасностей, интриг и возвышенных чувств. Захватывающий сюжет, яркие персонажи и атмосфера настоящего волшебства сделают чтение этой книги настоящим удовольствием.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Эларион	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сага Звёздного Света.

Наследники Легенды

«Тот, кто познал настоящую любовь, никогда не останется прежним — она меняет глубже, чем любая магия.»

Пролог

Из свитков Хранителя Звёздной Памяти

Меня зовут Эларион. Я видел, как строили королевство, где каждый камень дышал добром, а магия была дыханием самой жизни. Этот мир — воплощение древней мечты всех эльфов. Я помню каждый ручей, в чьём журчании слышна музыка, каждое дерево, чьи листья шепчут о гармонии. Здесь все живут в любви и несут её другим мирам — туда, где её лишились.

В моей башне, что стоит на стыке леса и моря, хранятся тысячи книг, свитков и светящихся кристаллов. Но самый важный из них я не доверил ни бумаге, ни камню, ни кристаллу. Я вплел его в свою память, как вплетают нити в ткань. Это история о любви, что была сильнее законов этого мира. И о тени, что пришла, чтобы эту любовь уничтожить.

В башне таится много историй, но эта — главная. Она не для свитков и не для библиотек. Она для тех, кто верит, что любовь способна преодолеть любые границы.

Глава 1. Эларион

«Красота сегодняшнего дня родилась из непа yesterday боли.»

Из свитков Элариона, Хранителя Звёздной Памяти

Мой кабинет находится в высокой башне, сплетённой из живого дерева и лунного камня, такой способ строительства давно забыт даже самыми искусными зодчими нашего королевства, но древние эльфы, чьи песни ныне поёт лишь ветер, знали секрет, который я берегу как зеницу ока. Корни дерева уходят глубоко в сердце скалы, питаюсь потоками чистой магии, что текут в жилах нашего мира. Лунный камень же, вплетённый в ствол и ветви, придаёт стенам ту самую прочность, которая позволяет башне стоять уже тысячу лет, не страшась ни ураганов, ни наводнений, ни даже намеренного колдовского удара. Снаружи башня кажется почти живым существом. Ствол её уходит в небо на такую высоту, что крона выглядывает из-за облаков, что ласково окутывают её, словно боятся потревожить покой древнего исполина. Именно здесь, меж пушистых облаков и трепещущих листьев, находят приют воздушные духи — сильфы. Они порхают вокруг кроны, играя с лёгкими порывами ветра, и их прозрачные крылья оставляют за собой мерцающие следы, похожие на россыпь звёздной пыли. Сильфы любят танцевать в воздушных потоках, кружась вокруг ство-

ла и нежно касаясь лунных кристаллов кончиками пальцев. От прикосновения духов камни вспыхивают мягким сиянием, будто приветствуя гостей. Порой можно услышать их тихий смех, похожий на звон хрустальных колокольчиков, когда они скользят сквозь ветви, оставляя за собой шлейф прохладного бриза. Эти эфирные создания почитают древо, чувствуя его мощь и мудрость, и потому бережно охраняют покой башни, отпугивая недобрые силы своей незримой стражей. Стены башни переливаются то серебристо-зелёным, то голубоватым светом, в зависимости от времени суток и настроения самого дерева. Иной раз, особенно в час предраусветной зари, можно заметить, как по коре пробегают золотистые искры — это магия, заточенная в камне, перекликается с первыми лучами солнца. Окон в моей башне нет в привычном понимании этого слова. Вместо них — проёмы, искусно вплетённые в живую структуру, которые я по своему желанию могу затягивать либо тончайшей магической плёнкой, защищающей от ветра и дождя, либо оставлять открытыми, чтобы впустить внутрь голоса леса и моря, и сегодня я выбираю второе. Ветер доносит до меня запах соли и водорослей, смешанный с терпким ароматом хвои и цветущих луговых трав. Мой кабинет расположен так, что с него открывается вид, ради которого, возможно, стоило бы взобраться на эту высоту даже тому, кто не владеет магией.

Маг медленно отставил чашу с настоем из снов ясновидения на край стола, и её лёгкое постукивание о полирован-

ную поверхность лунного камня зазвучало в тишине кабинета подобно удару колокола. Пальцы ещё хранили тепло фиала, и он на мгновение задержал их на холодной столешнице, чувствуя, как магия камня отзывалась на прикосновение едва уловимой вибрацией. Он выпрямился в кресле, которое, подобно башне, было сплетено из живых ветвей, принявших форму, удобную для долгих размышлений. Спина была прямая, хотя годы, проведённые за изучением древних свитков и наблюдением за судьбами миров, давно могли бы согнуть кого угодно, но эльфийская кровь, текущая в жилах, хранит от немощей плоти, оставляя все тяготы лишь для духа. Волосы серебристые, как лунный свет в зимнюю ночь, были собраны на затылке простым кожаным шнурком, маг никогда не любил излишеств в том, что касается облика. Лицо же его, обрамлённое лёгкой сединой, которая пришла раньше, чем положено эльфам, хранит выражение спокойной созерцательности, столь привычное для тех, кто проводит дни в башне.

Его обычно спокойные глаза, цвета тёмного аметиста, сузились, вспыхнув холодным внутренним светом, он провёл рукой по воздуху — медленно, почти небрежно, словно разгоняя утренний туман перед окном, пространство вокруг ладони начало искривляться, подчиняясь незримой воле. Между пальцами вспыхнули искры — сначала робкие, похожие на светлячков, затем всё ярче, всё настойчивее — синяя защитная магия, древняя, как сам наш мир, и такая же

надёжная. Она не обжигает, в её холодном свечении чувствуется мощь, способная остановить удар, выдержать натиск и, если потребуется, создать незримую стену между жизнью и смертью. Искры погасли так же внезапно, как и вспыхнули, оставив в воздухе едва уловимый запах озона — запах грозы, что никогда не случается, но всегда возможна. Маг опустил руку и медленно поднялся из кресла, его движения были плавны, в них не было суетливости, но и не было медлительности, он ступал лёгкой поступью по полу, который казался тёплым и живым, — и это не обман чувств, ибо башня действительно дышала и каждый шаг отзывался в её сердцевине лёгкой вибрацией. Маг прошёл мимо стеллажей, уставленных свитками, книги в кожаных переплётах соседствуют здесь с хрустальными шарами, в которых застыли миниатюрные бури, и с амулетами, привезёнными из миров, о существовании которых не догадываются даже самые учёные советники нашего королевства. Пальцы скользнули по корешкам, и каждый откликнулся едва слышным шёпотом — памятью о тех, кто эти книги создавал, кто вкладывал в них свои знания, свою боль, свою надежду. Он подошёл к одному из открытых проёмов, заменяющих окна, остановился, чувствуя, как ветер играет с прядями волос, как он приносит запахи леса и моря, смешанные в единый, неповторимый аромат, который он научился узнавать среди тысяч других. Он сжал пальцы на подоконнике, чувствуя под ладонями прохладу лунного камня, его глаза, только что суженные и хо-

лодные, сейчас широко раскрыты, впитывая каждую деталь, каждое движение, каждое дуновение ветра над этим благо-словенным краем. И в этом взгляде отражается всё — всё, что видел, всё, что помнит, всё, что хочет сохранить для тех, кто придёт после.

Сейчас я стою на границе между теплом моего кабинета и прохладой внешнего мира, между знанием, накопленным за века, и тайной, что манит с горизонта.

Его взор устремляется вдаль.

К западу от башни простирается лес, который не решают-ся называть по имени даже самые отважные лесничие. Для всех он просто — Великий Лес. Древние дубы и ясени, переплетённые лианами и омелой, создают под своей сенью та-кой полумрак, что даже в полдень там царит сумрак. Для ко-го-то это пугающий, а для кого-то скорее уютный, задумчи-вый сумрак, напоминающий о том, что у всего живого есть свои тайны. Именно в этом лесу живёт больше всего лесных существ, там до сих пор водятся единороги, а на самых глу-хих полянах по ночам собираются феири, чтобы вести свои неспешные, длящиеся столетиями беседы.

К востоку, насколько хватает взгляда, раскинулись сереб-ряные реки нашего королевства. Их называют так не только за цвет воды, отражающей луну и звёзды, но и за ту самую чистоту, что делает их похожими на расплавленный драго-ценный металл. В этих реках до сих пор живут водяные де-вы, чьи песни слышали самые первые поселенцы, пришед-

шие в эти земли, ныне их голоса стихли, но вода по-прежнему хранит память о древней магии, и в тихие безлунные ночи, если прислушаться, можно различить едва уловимую мелодию, что течёт вместе с течением. Реки извиваются меж холмов, покрытых изумрудной травой и рощами вековых дубов, и впадают в большое озеро, которое в народе называют Зеркалом Предков. Вода в нём настолько прозрачна, что с высоты моей башни я порой различаю на дне очертания древних строений — городов, что стояли здесь задолго до того, как первые эльфы ступили на эту землю. Легенды гласят, что там покоятся души тех, кто создал наш мир, и их сны питают ту самую жизненную силу, что позволяет всему сущему цвести и плодоносить.

Рядом возвышается сердце нашего королевства — Город Единства. Лазурные купола его дворцов и храмов видны отсюда даже в пасмурную погоду: они словно светятся изнутри мягким, ровным светом, который не гаснет ни днём, ни ночью. Этот свет — не магия в привычном смысле слова, а скорее благословение, которое наш мир получил от своих правителей. В каждом куполе заложена частица той самой любви, что соединила когда-то сына Моря и дочь Леса, и пока горят эти купола, мир наш будет стоять нерушимо. Город построен по древнему чертежу, который, как утверждают маги, был начертан самими звёздами. Улицы его расходятся концентрическими кругами от центральной площади, где возвышается Древо Согласия — не такое древнее, как

моя башня, но не менее почитаемое. Под его сенью правители принимают послов и проводят праздники, на которые собираются жители всех окрестных земель. В такие дни город становится похож на огромный цветок: лепестки-улицы раскрываются навстречу гостям, а в воздухе разливается аромат тысяч цветов и звучит музыка, которую сочиняют лучшие барды королевства. С высоты моей башни я вижу, как по мощёным камнем улицам движутся люди, эльфы и прочие обитатели наших земель. Кто-то спешит по делам, кто-то неспешно прогуливается, наслаждаясь погожим днём, а кто-то застыл, наслаждаясь видами у фонтанов или на мостах, перекинутых через каналы, ведущие к главному порту. Порт наш, кстати, тоже виден отсюда — множество мачт, похожих на лес, застывший прямо в воде, и серые паруса, которые то и дело меняют цвет в зависимости от того, с каким ветром они собираются выйти в море.

Море... Оно начинается там, где кончается город. Сначала идут пологие песчаные пляжи, затем — скалистые мысы, на которых волны выточили причудливые арки и гроты, а потом — бескрайняя водная гладь, уходящая за горизонт. Цвет её меняется от бирюзового у берега до густо-синего, почти чёрного на отдалении. В ясные дни на море можно разглядеть паруса торговых судов и военных кораблей, а иногда — и нечто большее: серебристые спины морских змеев, что греются на солнце, прежде чем уйти на глубину, или стаи летучих рыб, которые взмывают в воздух, чтобы поймать утрен-

нюю мошкору. Над всем этим — небо. Оно здесь особенное, не такое, как в других мирах, куда мне доводилось заглядывать. Днём оно пронзительно-голубое, с редкими облаками, похожими на овечью шерсть. К вечеру небо начинает переливаться всеми оттенками — от нежно-розового до густо-пурпурного, а с наступлением ночи на нём загораются звёзды, которые кажутся на удивление близкими. Порой я поднимаюсь на самую вершину башни, и мне чудится, что стоит протянуть руку — и можно коснуться их, чей свет шёл к нам тысячи лет.

Я смотрю на этот мир, и сердце моё наполняется одновременно гордостью и печалью. Гордостью — за то, что мне довелось быть частью его создания. Печалью — за то, что я знаю: ничто совершенное не вечно...

Я — Эларион, Хранитель Звёздной Памяти. И я помню этот мир не таким.

Медленно, очень медленно маг повернулся к тем, кто находится сейчас рядом в этой башне — пусть и не телом, но духом. К вам, читатель, кто открыл эти свитки, чтобы узнать историю, которую он берёт дольше, чем многие эльфы живут на свете.

— Вы видите эту красоту — произнёс маг, и голос зазвучал негромко, но в тишине башни он разносится подобно эху в горном ущелье. — Вы видите реки, бескрайние леса и море, что уходит за горизонт. Вы думаете, что так было всегда? Что этот мир родился таким — цветущим, гармонич-

ным, совершенным?

Он сделал паузу, позволяя вопросу повиснуть в воздухе и вам представить себе то, что я сейчас скажу.

— Нет, — произнёс Эларион, и в голосе звучала твёрдость камня, что помнит эпохи. — Не всегда. Мир, который вы видите за окном моей башни, был серым и мрачным. Он задышался в собственном отчаянии, он терял последние крупницы жизни, и никто — слышите, никто! — не мог ему помочь. Маг отступил от окна и тень прошлого на мгновение накрыла его, сделав похожим на древнюю статую, что хранит тайны тысячелетий. Он поднял руку и на ладони загорелась маленькая искра — золотая, тёплая, живая. Маг поднес ладонь к губам, легонько подул на искру, и она взлетела вверх, разгораясь, и на мгновение весь кабинет залился мягким золотистым светом, а затем — погас, оставляя после себя лишь аромат весеннего леса и отдалённый шум прибоя.

Эларион стоял у окна, и ветер медленно перебирал серебристые пряди его волос. Взор его, только что обращённый к слушателям с теплотой рассказчика, теперь устремился вдаль, туда, где под лучами полуденного солнца сияли лазурные купола Города Единства. Но видел он сейчас не это великолепие. Взгляд Хранителя проваливался сквозь время, сквозь слои магии и человеческой памяти.

Сегодня я смотрю на мир, раскинувшийся у подножия моей башни, и думаю о том, что он не всегда был таким.

— Представьте себе небо, которое никогда не видело

солнца. Не сумерки, нет. Не предрассветные сумерки, полные надежды на грядущий рассвет. А серую, бесконечную, давящую пелену, которая висела над землёй так долго, что никто из живущих уже не помнил, каков свет на ощупь. — произнёс он, и голос его приобрёл ту самую глубину, которая появляется, когда маг касается самых сокровенных пластов бытия.

Он замолчал, давая этим словам время осесть в сознании, и продолжил, и голос его теперь звучал глуше, будто доносился из глубокого колодца.

— Именно таким был этот мир, когда я впервые открыл на него глаза. Серым. Мёртвым. Безднадёжным.

Эларион медленно провёл рукой перед собой и в воздухе возникло марево — зыбкое, призрачное, но до жути реалистичное. Это было не заклинание в привычном смысле слова, а скорее память, обретшая плоть, воспоминание, ставшее видимым для всех, кто сейчас находился в башне. Тот мир, что предстал перед взором, не имел ничего общего с тем великолепием, которое открывалось из окон башни сейчас. Небо было низким, тяжёлым, цвета свинца. Оно давило на землю с такой силой, что, казалось, сама природа изнемогала под этим гнётом. Солнце — если оно вообще существовало — никогда не пробивалось сквозь эту пелену, и единственным источником света были странные, болезненно-жёлтые шары, которые время от времени тухли, оставляя после себя лишь более густую тьму.

— Посмотрите, — сказал Эларион, указывая на марево, и в голосе его не было сейчас ни торжественности, ни пафоса — только тихая, глубокая печаль. — Здесь, где теперь цветут сады и плещутся фонтаны, где дети играют на мостовых, выложенных светлым камнем, здесь была лишь грязь. Бесконечная, липкая грязь, смешанная с золой и пеплом. И запах... Вы не можете его почувствовать, но поверьте старому магу: запах этого мира был скверен. Здесь разлагалась сама надежда.

— Города здесь не было — произнёс Эларион, и голос его стал твёрже, словно он черпал силы из самого факта этого страшного воспоминания. На месте нынешнего Города Единства, с его изящными мостами, каналами и парками, где деревья росли в согласии с архитектурой, находилось жалкое поселение, скопище лачуг, слепленных из чего попало: из обломков кораблей, выброшенных на берег, из гнилого дерева, из камней, вывороченных из земли. Узкие, кривые улочки, по которым не могли разойтись двое, были завалены мусором. Никто не верил, что это поселение останется.

В мареве начали проступать фигуры. Они были размыты, лишены чётких очертаний, но даже сквозь пелену времени и магии можно было разглядеть главное: эти существа были несчастны. Они передвигались медленно, словно несли на плечах невидимую, но непомерную тяжесть. Их лица — и эльфийские, заострённые, прекрасные даже в нищете, и человеческие, грубые, искажённые заботами — были обращё-

ны к земле. Никто не смотрел вверх. Никто не ждал чуда.

— И знаете, что было самым страшным? — Эларион вздохнул, и глаза его, обычно спокойные, сейчас горели тем самым холодным, пронзительным светом, который видели лишь те, кому доводилось быть рядом с магом в моменты скорби. — Самым страшным было то, что здесь царило неравенство. Несправедливость, вьёвшаяся в самую плоть этого мира, как яд, который невозможно вывести. Он снова повернулся к мареву, и картина изменилась. Теперь перед взором предстали две жизни, существовавшие бок о бок, но разделённые пропастью, которую не могла перекрыть ни одна магия.

С одной стороны — те, кого называли «высшими». Эльфы древних кровей, чьи жилища, пусть и скудные по меркам нынешнего величия, всё же отличались от лачуг остальных. У них была пища. У них была одежда. У них была возможность копить, менять, торговать. И главное — у них была надежда, та самая надежда, которую они сознательно, методично отнимали у других.

С другой стороны — все остальные. Те, кто работал на «высших». Кто добывал в море рыбу, рискуя жизнью в штормах, которые в том мире были особенно жестоки. Кто обрабатывал скудные клочки земли, где вместо хлеба росла лишь горькая, несъедобная трава. Кто строил лачуги, чинил крыши, таскал воду. И кто получал за это ровно столько, чтобы не умереть с голоду. Но не больше. Никогда не больше.

— Эльфы, — произнёс Эларион, и в его голосе послышалась горечь, — эльфы, которые ныне славятся своей мудростью и красотой, в те времена были разделены на касты. Высшие эльфы считали себя потомками древних богов, а всех остальных — низшими, недостойными даже называться тем же именем. Лесные эльфы, те, кто жил в лесах и знал язык деревьев, были изгоями. Горные эльфы, те, кто добывал из недр земли редкие камни, были рабами. А эльфы моря, те, чья кровь звала их в бескрайние просторы, были презираемы за то, что не могли осесть на одном месте и служить «великой цели». Он замолчал, и даже ветер, казалось, затих, чтобы не мешать древней печали, что наполнила сейчас это пространство.

— Я был среди тех, кого называли «высшими», — сказал Эларион тихо, и в этом признании не было гордости — только боль. — Мой род был древен, и я носил титулы, которые сейчас кажутся мне проклятием. Я видел эту несправедливость. Я знал о ней. Но я был молод, а молодость эльфов длится столетия. Я думал, что так устроен мир. Я думал, что это норма. Я думал... что ничего нельзя изменить. Он сжал пальцы на подоконнике так сильно, что костяшки побелели.

— Мне потребовались века, чтобы понять: если я вижу зло и молчу — я становлюсь его частью. Если я пользуюсь благами, добытыми чужим трудом и чужой кровью, я не лучше того, кто эти блага отнимает. Я понял это, когда уже почти ничего нельзя было изменить. Когда мир, в котором я

родился, дышал на ладан, и ни магия, ни мудрость не могли его спасти. Эларион отступил от окна и медленно, словно ему было тяжело двигаться, прошёл к центру комнаты. Марево позади него истаяло, и в проём окна снова хлынул свет — золотистый, тёплый, живой. Подняв глаза в них снова загорелся тот самый свет, который зажигается в сердцах тех, кто видел чудо и сохранил о нём память. Он прошёл к своему креслу и медленно опустился в него, словно тяжесть воспоминаний наконец-то дала о себе знать. Он взял со стола фиал с настоем, поднёс к губам, но не отпил — только вдохнул аромат, возвращая себе равновесие.

— Но сначала вы должны понять, каким был этот мир до них. Потому что, только зная тьму, можно оценить свет. Только помня боль, можно понять цену исцеления. Только осознав, насколько глубоко падение, можно осознать величие подвига тех, кто поднял этот мир из праха.

Он отставил фиал, посмотрел вдаль и его нахлынули воспоминания...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.